ДИАНА РЕЙН

ТОТ, КТО НЕ ИЩЕТ СЧАС-ТЬЯ

16+

Рассказ из вселенной "Ангел-неудачник"

Тот, кто не ищет счастья

Диана Рейн

Тот, кто не ищет счастья

Диана Рейн (Diana Reyn)

Оригинальное издание на русском языке.

© 2021 Диана Рейн. Все права защищены.

Содержание

«Земную жизнь пройдя до половину, я очутился в сумрачном лесу...» 1

«...любовь способна низкое прощать и в доблести пороки превращать...» 9

«О, услышьте голоса ангелов...» 17

«Все, что сделано в этом мире, сделано с надеждой» 28

«Земную жизнь пройдя до половину, я очутился в сумрачном лесу...»

Только такой отчаявшийся неудачник, как Микки, мог решиться на такую ужасную глупость.

Как ангел-хранитель он никогда не был примером для подражания: своего воспитанника он ненавидел, не пытался удержать от рискованных поступков и не стремился к дружбе с другими ангелами. И в этот раз он боялся вовсе не за шкуру Джека Ронтера, за которым должен был присматривать. Он пытался спасти самого себя.

Его крылья, прекрасные белоснежные крылья, окрасились в позорный серый цвет после того, как он прошел через Лес.

Мик не знал, что еще ему делать. Он попытался стать хорошим хранителем для Джека, но это не помогло. Он унизительно попросил прощения у одноклассницы, человека которой обидел Ронтер, но ничего не изменилось. Он даже постарался угодить своей тетке, но куда проще было бы построить ракету и улететь на Луну.

Что еще нужно было сделать? Что еще он должен был сделать, чтобы вернуть перьям белый цвет?

И Мик решил, что нужно вернуться в Лес.

Лес был не простым местом. Для людей он выглядел как негостеприимная роща с черными деревьями и выжженной землей, где можно было легко заблудиться. Только и всего. Для ангелов же Лес казался дьявольской шуткой. Стоило зайти сюда, как обрывалась связь со своим человеком, а деревья, кусты, земля — все было настолько же реально и осязаемо для духов, как и для людей. Мику пришлось два раза пройти через это место, и чудо, что ему

это удалось. Но его крылья после этого стали серого цвета, а это клеймо позора. Еще не демон, но уже не ангел.

Одноклассница Фисифа разводила руками, тетка ругалась и сторонилась его, а ангелы подростков показывали пальцами и смеялись.

И тогда под Рождество Мику пришла в голову эта ужасная идея.

Он ничего не сказал Фисифе. Дождался, когда Джек заснул и отправился к Лесу. Раз в этом месте он изменился, то и искать ответы тоже стоит здесь. Другого выхода просто не существовало.

Мик долго собирался с силами, а когда ступил на черную землю, то все равно не сдержался от крика боли. Его связь с Джеком оборвалась, точно кто-то с силой дернул за эту невидимую нить. Теперь ангел не знал, о чем думал его воспитанник, что чувствовал и не сможет прийти на помощь, если тот попадет в беду.

Хотя стоило признать, что и до этого момента Мик не особо старался защитить своего слабака.

Ангел медленно пробирался через Лес, переступая через поваленные стволы, выступающие из земли корни. Он склонялся над низкими ветками и обходил деревья. Это было столь непривычно для того, кто все существование не ощущал материальных вещей, что Мик часто забывался, спотыкался и цеплялся своей длинной туникой за ветки. Света от его нимба не хватало, чтобы разглядеть дорогу как следует, а неуклюжие крылья за спиной царапались и задевали все деревья и кустарники по пути.

Может, если он снова пройдет этот путь, Небеса увидят, что он не трус, и вернут ему белые перья?

Ангел безнадежно плутал и терялся, ходил кругами, спотыкался все чаще, и уже ничего не видел. Пытался вернуться назад, но Лес словно ожил и перемешал свои тропки. Перо за пером, Мик

оставлял свои крылья позади, а туника разодралась в клочья. Даже золотой свет нимба уже не горел так ярко и слабел с каждой минутой.

Какой же он все-таки дурак, что снова пришел сюда!

Мик остановился у дерева и задрал голову к небу. До чего просто было бы взлететь над Лесом и вернуться домой. Слишком просто, но он все равно купился и попробовал, еще в первый раз. Его тело и крылья сразу подхватили ветки, почти проткнув насквозь, от боли сущность на миг пропала из настоящего мира, и он упал. С Лесом шутки плохи и обмануть его не получится.

Мик вспомнил, как хорошо ориентируются ангелы слепцов. Один такой хранитель однажды помог ему выбраться из плотной тучи, когда он потерял направление. Так может, попробовать? Он закрыл глаза, и из его груди невольно вырвался смешок. Видел бы его кто-нибудь в этот момент. Полюбуйтесь на этого идиота, который оставил своего человека и самовольно забрался в чертов Лес! Он потерялся, потерялся здесь навечно.

Неуверенно выставив перед собой руки, Мик медленно пошел дальше.

Время клонилось к дьявольскому часу, а Лес не знал о существовании Рождества. Ангел подростка слепо брел вперед, вытянув тонкие руки перед собой.

Была глухая ночь, когда Мик выбрался из Леса. Это случилось неожиданно, и он поначалу решил, что попал в очередную ловушку. Но деревья остались за спиной, а перед ним как ни в чем не бывало простирался человеческий город. Можно было подумать, что Лесу надоело терпеть его присутствие, и он просто избавился от него, изрыгнув из своего чрева.

Мик перевел дух (одна из бесполезных привычек, доставшаяся ему от человека) и повернул голову назад, чтобы проверить, спасла ли эта безумная прогулка его крылья.

Но крыльев за спиной не оказалось вовсе.

Ангел замер, бессмысленно тараща глаза. Этого не могло быть. Этого ну никак не могло быть! Он протянул руку и похлопал ладонью себя по лопаткам. Ни следа, ни намека на то, что у него когда-то вообще были крылья.

Мик выпрямился, закрыл глаза, сделал медленный вдох, а затем медленный выдох. И еще раз, как можно спокойнее, но в горле все равно хлюпнуло, а руки так и дрожали. Этого не могло быть в принципе, у него просто поехала крыша после Леса. Либо это одна из его иллюзий. Нужно отойти от него подальше.

Не оглядываясь, он сделал несколько широких шагов вперед, но тут левая нога шаркнула по льду, и ее выбросило вперед. Инстинктивно попытавшись расправить крылья, Мик грохнулся на спину и охнул от боли. Голые лопатки хорошо приложились об асфальт, и никакие перья, черные иль белые, не защитили их.

Мик сморгнул слезы, выдохнул, и белое, полупрозрачное облачко отлетело от его лица. Это все так неправильно. У него должны быть крылья. Он не мог поскальзываться и падать за границами Леса. А его дыхание не могло быть таким... таким взаправдашним. Ему ведь вовсе не требуется дышать.

Не поднимаясь, Мик медленно-медленно протянул руку, и его ладонь легла на грудь.

В груди билось сердце. Самое что ни на есть настоящее.

Поскальзываясь и падая время от времени, Мик бежал по ночному городу. Все вокруг — чересчур материальное и болезненное. Зимний воздух — ледяной, пробирающий до костей, которые теперь тоже у него были! Асфальт — слишком твердый, невозможно

твердый. Он сбил ладони, и теперь видел на них кровь. Самую-самую настоящую кровь!

У него больше не было не только крыльев, но и его нимба и даже туники. Вместо этого он увидел на себе знакомую одежду и быстро вспомнил, что это рубашка и брюки Джека. Вот почему ему было так холодно. Обычно люди зимой еще надевают поверх пальто.

Мик не знал, куда бежать. Он неожиданно добрался до центра города, и ему стало неуютно и страшно от того, что здесь никого не было. Ангелов-хранителей можно было встретить где угодно, в любое время суток, потому что духи не ведали об усталости. Когда их люди спали, они предпочитали гулять, встречаться друг с другом и исследовать мир вокруг — как наверху, в облаках, так и нижний, человеческий мир.

Мик был уверен, что хранители и сейчас были здесь. Бродили, общались, садились на крыши или ветки дубов, точно гигантские белоснежные птицы. Но он их больше видеть не мог.

А у кого тогда просить помощи?

Не сказать, конечно, что и в обычное время у Мика была целая армия советчиков и собственных покровителей, но куда проще что-то придумать и понять, когда ты в привычном обличье и в привычном мире, а не когда это переворачивают на сто восемьдесят градусов.

Первой его мыслью было дойти до дома Джека, но он быстро отмел эту неделю. Если человек увидит его — самого себя — проблему это никак не решит, только усугубит. Нужно поискать кого-нибудь другого и с мозгами. Кто сможет понять и помочь ему.

Мик опустился на ближайшую скамейку и запустил пальцы в волосы. Как такое вообще могло произойти? Порой люди лишались своих ангелов, которые опустились до того, что стали демо-

нами, а иногда, очень-очень редко, хранители могли потеряться. Настолько где-то заплутать, что даже их внутренний компас, всегда настроенный на воспитанника, уже не мог привести их домой.

Но чтобы сам ангел стал человеком — о таком Мик даже в самых смелых россказнях не слышал.

Долго сидеть на одном месте и размышлять у него не получилось — уж слишком он замерз. Он даже не подозревал, насколько сильно может замерзнуть человек! Его тело трясло, пальцы не сгибались, а плечи, шея и челюсть болели от напряжения. Мик неуклюже побрел вперед, сам не зная куда, лишь бы хоть немного согреться в движении. А если он не переживет эту ночь, его человек тоже погибнет или просто останется без ангела? Хотя, он и сейчас без него был, и еще неизвестно, кто из них угробит себя раньше. Нет, стоило найти Джека, чтобы проследить за ним хотя бы со стороны.

Ближе к рассвету Мик наконец-то добрался до дома Ронтера и его тетки. К этому времени он уже совсем закоченел, устал и часть пути просто переставлял ноги, не соображая, где он.

Дверь в дом была закрыта, но Мик по привычке попытался пройти сквозь нее и громко ударился всем телом. Едва не плача от отчаяния, он побарабанил кулаком в дверь, уповая на то, что хоть кто-то из соседей уже проснулся и запустит его.

Хотя зря было надеяться.

Мик проторчал на пороге полчаса, прежде чем с внутренней стороны послышались шаги, и дверь распахнулась. Она задела его, толкнув в плечо, и Мик едва удержался на ногах, в который раз отметив, что без крыльев сохранять равновесие очень тяжело.

На пороге пошатывался сосед-пьяница с этажа выше. Сегодня он выглядел вполне прилично, его глаза смотрели осмысленно и даже почти не ощущался постоянный запах спиртного. Мужчина

сфокусировал на нем опухшие глаза, затем окинул взглядом и наконец покачал головой. Мик молчал, нервно посматривая за спину мужчины, и ожидая все же увидеть его хранителя.

— Тебя что, всю ночь где-то носило? — хрипло спросил сосед, и Мик вздрогнул от осознания, что человек в самом деле его видит. — Посмотри на себя, уже посерел весь.

Он, разумеется, имел в виду цвет его лица, но Мик крутанулся на одном месте, пытаясь рассмотреть за спиной крылья, которые стали уже настолько очевидно серыми, что даже люди это замечали.

Сосед лишь махнул рукой на него и посторонился, давая зайти в подъезд, и Мик быстро прошмыгнул внутрь.

В подъезде не было теплее, чем на улице, но здесь стоял знакомый, застоявшийся запах сырости, и не было ветра. Мик немного успокоился. В полумраке он добрался до второго этажа, громко топая по лестнице, подошел к знакомой двери и остановился.

Он как наяву увидел своего человека — как он скрючился в постели, туго закутавшись в одеяло. Зимними ночами становилось так холодно, что Джек просыпался и натягивал отцовский свитер, но еще долго не мог заснуть, а если и удавалось, то снились ему только кошмары. Мик наблюдал это тысячу раз и привык считать своего воспитанника слабаком, слишком изнеженным для этого мира.

Что ж, сегодня он на своей шкуре убедился, как сильно мог кусаться мороз.

Мик протянул руку к двери и пальцами нащупал круглую, резную ручку. Он мог постучать и через несколько минут оказаться в квартире. Не самой теплой и уютной в мире, но даже это сейчас было непозволительной для него роскошью. В квартиру ему никак нельзя. Если его увидят тетка или сам Джек, случится катастрофа,

потому что никто из них не сможет объяснить, что происходит. И уж конечно вряд ли его дуралей сможет ему хоть чем-то помочь. Даже если поверит во все это.

Нужно уходить отсюда.

Мик еще немного потоптался, с отчаянием думая, что ему придется опять идти по холоду на своих двоих, и обреченно повернулся обратно к двери. Остался последний человек на свете, который мог спасти его. Если захочет.

Эрин Гэмфрил со своим ангелом Фисифой.

Мику повезло вспомнить, где живет Гэмфрил. Он просто придет к ней, а там уже что-нибудь придумает. Возможно, Фисифа даже догадается, что произошло, и…

Нет, он понятия не имел, что можно было сделать.

Дом Гэмфрил был не отличим от остальных блеклых и старых домов Серого Города, и Мик на всякий случай прошелся по всей улице, пытаясь вспомнить, какой именно дом по счету они с Джеком однажды посещали.

Эрин была умной и, наверное, все же доброй, но они с Джеком еще недостаточно хорошо знали друг друга, чтобы Мик был уверен в том, что она поможет ему. В прошлом они даже ненавидели друг друга, но ангел сейчас как никогда надеялся, что это осталось в прошлом.

Он опустился на скамейку напротив дома одноклассницы и принялся ждать. Жалкое человеческое тело ныло от боли и холода, и Мик успел подумать о том, что впредь будет внимательнее следить за Джеком, чтобы он не сломал самого себя.

Если когда-нибудь снова станет его ангелом.

«...любовь способна низкое прощать и в доблести пороки превращать...»

— Джек? Джек, что ты здесь делаешь? Джек!

Мик не сразу сообразил, что зовут его. Его накрыло очень странное состояние — он словно ослеп и оглох на какое-то время, а из памяти пропали последние несколько минут… или часов? Мик дернулся, распахнул глаза, и первое время глупо смотрел прямо перед собой, ничего не соображая.

Почему он здесь? Что с ним случилось? И почему ему так холодно?

— Тебя что, выгнали из дома?

Он повернулся на голос и нахмурился, увидев рядом девушку с длинными каштановыми волосами. Эрин Гэмфрил. Она что, к нему, что ли обращается? А где ее ангел, Фисифа?

— Ты же совсем замерз!

И тут она положила ладонь на его плечо.

Мик подскочил на месте от неожиданности и ужаса и свалился со скамьи.

Никто из людей еще никогда не касался его! Никто из людей и не подозревал об его существовании!

И тогда он все вспомнил. Лес. Потерю крыльев. Сам факт того, что он стал человеком. И как пришел к дому Гэмфрил, потому что больше некуда было идти.

Он поднялся на ноги и поискал глазами вокруг Эрин, надеясь увидеть поблизости ее ангела, но быстро напомнил себе, что если Фисифа сейчас и есть здесь, он все равно об этом не узнает. И в этом была главная проблема.

— Джек, не молчи, скажи хоть что-нибудь! — всерьез испугалась Эрин и вдруг снова дотронулась до него, слегка сжав плечо. — Что с тобой?

Было до того странно, до того неправильно чувствовать ее прикосновение, что Мик отпрянул от нее, как от демона. Чтобы снова не потерять равновесие без своих крыльев, он крепко взялся за спинку скамьи, выпрямился и прочистил горло. Он заговорит с ней, попросит помощи, и все это должно выглядеть нормально со стороны. Что ж, была не была…

— Я хотел увидеть тебя, — наконец произнес он. — Мне нужно попросить у тебя прощения.

Зеленые глаза Эрин застыли, но брови медленно-медленно потянулись к переносице, и ее лицо стало наполовину жалобным, наполовину хмурым. Мику было несложно представить, как с таким же выражением рядом сейчас стояла Фисифа и пыталась понять, что ему от них надо.

— За что попросить прощения?

Мик облизал губы, почувствовав, какие они холодные и сухие. У него побаливали пальцы и уши, и он обращал на эти мелочи гораздо больше внимания, чем это того требовало.

— За все. Фис…

Он быстро прикусил себе язык, и оказалось, настолько сильно, что он ощутил кровь. Соленую, теплую кровь, подумать только. Мик медленно сглотнул, опасаясь поднимать глаза на девочку, и осторожно поправил себя:

— Письмо… я даже собирался написать тебе письмо с извинениями, но подумал, что будет лучше прийти самому. В общем, я хотел попросить прощения за все, что сделал, за то, что мы… что я обидел тебя, даже когда не подозревал об этом. Это все началось еще с Леса, ты же помнишь…

Он мелко вздрогнул, когда Эрин снова взяла его за плечо. Ее глаза ярко блестели, и в них он видел не то страх, не то некую строгость, точно у матери. Губы Эрин изогнулись, она попыталась что-то сказать, и ее пальцы крепче сомкнулись на его плече. Мику вдруг вспомнилось, как Фисифа однажды ударила его своими крыльями. Будь у Эрин такая возможность, ему показалось, она бы тоже ею воспользовалась.

— Дурак, что ты с собой сделал? — прошипела Фисифа через тело своего человека.

Мик и сам знал каково это: управлять своим воспитанником напрямую. Ангел словно заходил в его тело и говорил его устами, защищая человека от той опасности, которую он не видел, или говоря те слова, которые он сам бы не смог найти. Ему однажды удалось проделать это с Джеком, чтобы уберечь от самоубийства, на которое его подтолкнула демонесса. Он, почти разорванный со своим человеком, в последнюю очередь думал, что у него это когда-нибудь получится. И это было самой невероятной, самой волшебной вещью в его существовании.

Фисифа — умница. Она быстро поняла, что произошло, и ей пришлось тоже решиться на этот шаг — взять под контроль тело своей девочки. Но даже так ангел не мог говорить все, что ему вздумается, потому что человек был по-прежнему здесь. Он просто думал, что действует немного необдуманно, интуитивно, но обычно у него и мысли не возникает — и не должно возникать, — что кто-то другой говорит за него.

— Как… как ты пришел сюда? — дрожащим голосом продолжала она. — Как ты себя чувствуешь? Ты же ужасно выглядишь, тебе нужна помощь! Что я могу сделать для тебя?

Мик даже испугался, когда от этих слов его сердце вдруг забилось быстрее. Словно в груди кто-то начал суматошно дергать за

веревки, и целый хор колоколов ожил и нестройно загремел, вибрируя по всему телу. О Небо, неужели это тело умирает?..

— Я не знаю, — честно ответил Мик, смотря ей в глаза. — Ты же помнишь Лес? Как мы прошли через него? Я до сих пор виню себя за то, что случилось тогда…

Фисифа сразу все поняла. Она сердито тряхнула его за плечо, и Мик понял, как ей захотелось огреть его по голове перьями.

— Ты опять был там? Зачем, ну зачем, Джек?

Мик коротко выдохнул, потянулся правой рукой и потер свое свободное плечо, а затем завернул руку дальше за спину и коснулся лопатки. Фисифа на миг зажмурилась, поняв, что он имеет в виду, и прошептала:

— Я же говорила тебе, что мы справимся со всем вместе. И зачем ты просишь у меня прощения? Ты ни в чем не виноват. Больше не виноват, понимаешь? Ты не должен был ходить туда.

Она задумалась, смотря мимо него, и Мик испугался, что Фисифа покинула тело своей воспитанницы. Он поспешно заговорил снова, надеясь задержать ее:

— Ты права! Я просто думал… что мне станет легче от этого, что я пойму… то есть, сниму с себя вину. Ох, я имел в виду…

— Подожди, — Фисифа сама осторожно подбирала слова, чтобы ее человек не подумал, что говорит какие-то глупости, — возможно, это правда поможет тебе. Может, тебе нужно вернуться туда? Я имею в виду, — в ее глазах промелькнула паника, рука отпустила его плечо, и Мик увидел, что Эрин сама приходит в смятение от своих слов, — так ты найдешь там то… что хочешь найти… что… — Она зажмурилась и слегка дернула головой, а когда открыла глаза, Мик увидел, что Эрин осталась одна. — Прости, я ляпнула глупость. Я не имела в виду, чтобы ты возвращался в Лес, я просто… — Она спохватилась и отпустила его, отступив

назад. — Что мы тут торчим? Тебе нужно согреться, ты только посмотри на себя! Пойдем ко мне, потом объяснишь, что с тобой стряслось. Или подожди, ты же уже говорил об этом?..

Мик едва не расплакался, когда попал в теплую квартиру. Ему казалось, что еще немного, и это тяжелое, такое настоящее тело застынет окончательно, и уже никакая Фисифа со своим человеком его не спасет.

Сейчас у него начали болеть пальцы, согреваясь, и Мик шипел от боли, но благодарил Небеса, что оказался в тепле. Эрин показала ему, где ванная, и там бывший ангел не сразу разобрался с кранами, чтобы пустить в раковину горячую воду. Он держал в ней руки до тех пор, пока кожа не стала ярко-розовой, а его — Джека — лицо в зеркале перестало быть таким бледным, с нездоровым синим оттенком.

Вообще, впервые увидев себя в зеркале, Мик на несколько секунд забыл обо всем на свете и просто смотрел на отражение, не веря тому, что видел. Это лицо Джека или все-таки его собственное? Где кончается та грань между человеком и его ангелом, которая делает их одинаковыми? И насколько Мик отличался от Джека? Он никогда не задумывался над этим ранее.

Матери Эрин дома не было — наверное, поэтому она решилась привести Мика сюда. Она позвала его, и он нашел Гэмфрил на крошечной кухне, которая одновременно была и столовой на двоих человек. И Мик сразу почувствовал запах.

Аромат был приятный, как будто бы знакомый и буквально кружил голову. В человечески теле все чувства были развиты особенно сильно, и ангел до сих пор к этому не мог привыкнуть.

— Будешь кофе? — спросила Эрин, снимая с плиты миниатюрный ковшик. — Горячий, чтобы наверняка согреться. Не хватало еще, чтобы ты подхватил простуду, правда?

Мик удивленно слушал ее. Эта странная девушка за пять минут позаботилась о нем больше, чем он за неделю о Джеке.

— Да, пожалуйста.

Он словно наяву видел, как по кухне нервно кружила Фисифа, заламывая руки и смотря на него. Ради красного словца Мик бы даже сказал, что чувствует ее взгляд, но то было неправдой. Он стал глухим и слепым человеком. Только без ангела-хранителя.

На кухонном подоконнике выстроились красные свечи Адвента, а в вазе с водой стояли пушистые ветки ели. Мик вспомнил, что на Рождество родители Джека тоже украшали дом и даже делали для него календарь с маленькими подарками, когда он был ребенком. Но родителей больше не было, а тетка не любила праздники.

Эрин поставила перед ним кружку с ароматным напитком, и Мик жадно протянул к ней пальцы…

Он едва не уронил хрупкую чашечку, а сам чуть не свалился со стула. Кончики пальцев пылали от боли, словно его укусил демон.

— Ты что? — девчонка испуганно округлила глаза, смотря на него. — Прости, я не предупредила, что кофе горячий. Я думала, ты сам поймешь...

Она не смогла скрыть неловкую улыбку и отвела взгляд. Мик сидел перед ней, держась за свой стул, и смотрел на дымящуюся кружку кофе. Он никогда в жизни еще не обжигался. Ничего не пил и не ел. И поэтому он боялся, что вот-вот допустит очередную ошибку, если будет и дальше пытаться изображать из себя человека. А то будет еще хуже, и он ненароком убьет это тело.

О, Небо, дай ему сил…

— Так ты был в Лесу? — вдруг снова спросила Эрин.

Она посмотрела ему прямо в глаза, а затем потерла свое плечо, пытаясь намекнуть на крылья. Фисифа вернулась, чтобы помочь

ему. Мик благодарно улыбнулся ей, пусть это и выглядело странно со стороны.

— Да. Думал, что это поможет мне. То есть, — он быстро вспомнил, что сама Эрин тоже сейчас слышала его, — что это как-то приведет мои мысли в порядок. Я все думал, зачем я тогда повел тебя туда, потому что после этого все так сильно поменялось…

Он не выдержал и опустил глаза, боясь, что человек Фисифы сейчас снова заподозрит что-то не то и, того гляди, еще выставит его из дома. Медленно протянул руку к кружке и коснулся ее самыми кончиками ногтей. Уже было безопасно пить это?

— Джек, я не думаю, что причина во мне, — мягко заговорила Фисифа, наблюдая за его попытками. — Возможно, все дело… в тебе самом?

Мик поднял голову. В нем самом? Но как? Ведь его крылья потемнели после того, как Джек завел…

— Все дело в твоей связи, — осторожно продолжила Фисифа, скользя на самом краю между тем, чтобы открыто сказать ему то, что она думает, и не выбиваться из образа Эрин, — с самим собой. Между сердцем и разумом. Понимаешь меня?

Мик неуверенно покачал головой и снова опустил взгляд на чашку. Голова казалась ему совершенно пустой. И вдобавок в животе что-то болело и ворочалось само по себе. Он навеки останется в этом теле, потому что…

Связь! Фисифа имела в виду его связь с Джеком! Ну конечно!

— Все дело во мне, — прошептал он, впервые задумавшись над этим вариантом.

Если Эрин и Фисифа действительно простили его, то больше не остается ничего другого — только его человек, на которого Мик уже давно махнул рукой и перестал приглядывать, помогать и даже быть рядом.

Вот оно что! Как он сам до этого не додумался?

— Даже не думал об этом, — растерянно признался он, аккуратно дотрагиваясь до кружки всей ладонью.

Эрин отстранено кивнула, водя пальцем по столешнице. Свою чашку с кофе она оставила в стороне и не притронулась к ней.

Присмотревшись, Мик понял, что девочка выводит на столе невидимый овал. Нимб.

— Завтра Рождество, — вдруг ни с того ни с сего заметила она.

Мик смотрел на нее, окрыленный ответом и решением своей проблемы, и не сразу смог понять, о чем она говорит. Да и кто именно — сама Гэмфрил или ее ангел?

— Ага.

«Спасибо, это я еще помню», — едва удержался, чтобы не добавить он. Конечно, это в стиле Джека — нагрубить и поссориться с единственным человеком, который способен помочь ему, но Мик надеялся, что ангелы лучше людей. Всегда в это верил.

— А ты знаешь, — продолжила Эрин, словно не слыша его, — что люди... есть такое поверье, что люди меняются, когда наступает Рождество.

Мик сглотнул, пытаясь понять, правильно ли он услышал.

Люди меняются. И это значит, что...

— У тебя один день, — подтвердила Гэмфрил, смотря на него зелеными глазами. — Завтра уже Рождество.

«О, услышьте голоса ангелов...»

Кофе был горький, пряный и вкусный одновременно. Понятие «вкусный» само собой пришло в голову Мика, как будто он всегда знал, каково это. Он пил кофе мелкими глотками и уже не обжигался, но напиток приятно согревал его изнутри.

Что за причудливая форма получения удовольствия — сначала жутко замерзнуть, а затем медленно согреться.

Но Мик не желал иметь возможность испытывать это снова и снова. За один день он должен вернуть связь с Джеком и снова стать ангелом. И с тех пор он — ни ногой в Лес или еще куда!

Сейчас у него были только эти тихие, теплые минуты в квартире Гэмфрил, и Мик пытался придумать, как совершить невозможное — помириться со своим человеком, который не должен был знать об его существовании. Он не видел, но подозревал, что и Фисифа сейчас тоже ломала голову, как помочь ему, хотя не была обязана это делать.

— А как ты проведешь Рождество? — решил спросить у Эрин Мик. Он надеялся, что разговорами о празднике отвлечет ее от той странной ситуации, в которой она оказалась.

— Ничего особенного, — отмахнулась она. — У меня же нет родственников в этом городе, поэтому буду только я и мама. Мы сходим в церковь, я сыграю там на пианино, а потом, может быть…

Мик не услышал, о чем она говорила дальше. Его ангельская сущность ухватилась за единственный символ, в котором должно было быть спасение. В котором было спасение всегда и для всех.

Церковь. В прошлом, католический священник даже дал ему совет, как избавиться от демонессы. А сейчас это могло быть един-

ственное место, где он поговорит с Джеком напрямую. Ведь где еще люди могли соприкоснуться с потусторонним, как не в храме?

— Эрин, — перебил он ее, — а ты пойдешь в церковь сегодня?

Завтра будет уже слишком поздно, и сам лично он не мог позвать ее туда…

— Вечером — конечно, в этом же вся суть. — Она даже улыбнулась, смотря на него, и Мик смутился и отвел взгляд. — Почему ты спрашиваешь? Джек, ты такой странный сегодня, даже не знаешь, что от тебя можно ожидать!

Он нервно сглотнул, неожиданно подавился и еще пару минут хрипел и кашлял, всерьез испугавшись, что вот-вот отбросит коньки.

Нет, он точно не дотянет до вечера.

— Я бы хотел пойти с тобой, — наконец просипел он, потирая грудь, — если ты не против.

— Нет, что ты, это было бы чудесно!..

— Тогда ты можешь пригласить меня?

Только сказав это вслух, он понял, до чего странно звучит. Да и Гэмфрил посмотрела на него озадаченно.

— То есть, ты можешь прислать мне приглашение? По телефону?

— Но ты же и так сейчас здесь...

— Нет... то есть, да. Но ты можешь пригласить меня еще раз? Чтобы... чтобы моя тетка об этом узнала, а то никуда не отпустит. Эрин, пожалуйста!

И хотя девчонка выглядела озадаченной, она согласилась — наверняка не без подсказки от Фисифы. Мик уточнил, в какой именно церкви она будет, еще раз спросил про время и узнав, что служение начнется в пять часов вечера, призадумался. Это еще целый

день, долгий, опасный день в шкуре человека. Он не мог отсидеться в доме Эрин, но и пойти ему было некуда.

Мик выпил еще одну чашку кофе, и решил, что пора знать честь и оставить Гэмфрил в покое. Тем более что скоро должна была вернуться ее матушка. Она и Джек еще не были знакомы лично, и Мику меньше всего на свете хотелось портить впечатление о своем человеке через это знакомство, которое стало бы самым неловким знакомством в мире. О нет, пусть сам Ронтер с этим разбирается.

— Но как же ты пойдешь в таком виде? — спросила его Эрин, когда он уже направился к входной двери.

Мик сам с сожалением посмотрел на тонкую рубашку, в которой оказался. Но что он мог попросить у Эрин? У нее не было ни отца, ни брата.

— Я быстро, добегу до дома, — солгал он, посмотрев ей в глаза.

Он знал, что Фисифу ему было не обмануть, и гадал, сделает ли она что-нибудь, чтобы как-то помочь ему. Она не была обязана, конечно…

— Подожди, — остановила его Гэмфрил и убежала в другую комнату.

Мик обвел взглядом место, где она только что стояла, и тихо произнес:

— Спасибо, Фисифа. За все.

Мик покинул квартиру Гэмфрил, закутанный в бабский платок. Эрин сообщила, что ничего другого она предложить ему не может, но Мик обрадовался и этому. И плевать, как он выглядит со стороны: он привык быть невидимкой и не обращать на людей внимания.

Он планировал добраться до церкви, о которой ему сказала Эрин, и просидеть там до начала праздничной службы. Это был наименее опасный и сложный вариант из всех, которые он перебрал в голове.

Самое главное было то, чтобы его дуралей согласился прийти. О, до чего странно и глупо будет, если он будет не в настроении и решит отказаться! Какой же дурой тогда почувствует себя Эрин! Если бы только Мик был рядом со своим человеком и смог проконтролировать его!..

Так он шел, уповая на вещи, которые от него не зависели, когда его в спину ударил ледяной, твердый снежок.

— Эй, Ронтер!

Мик обернулся, готовясь к новым неприятностям.

Перед ним стоял одноклассник Дейв Дук. Не очень высокий, крепкий как пень, с железными кулаками и фортуной, которая витала над ним вторым хранителем. Дейв и прежде недолюбливал новичка-Джека, заимев привычку проверять на прочность его ребра. Но после того как в начале этого месяца Ронтер и Мик, нежданно-негаданно «увели» у Дука Эрин, каждая встреча с этим парнем грозила для Джека стать последней.

— Ты куда это собрался в таком виде? — рявкнул Дейв, щеря белоснежные зубы. — Тебя из дома наконец-то выставили?

Мик молчал, по привычке обшаривая взглядом пространство вокруг человека. Ангел Кэл должен быть где-то здесь. Вот ему было скучно, что не на кого поорать и побить.

Он сначала собирался что-то ответить Дейву, но потом понял, что так сделает только хуже и для себя сейчас, и для Джека в будущем, поэтому молча развернулся и пошел дальше.

Второй снежок прилетел ему в затылок, и Мик заскрипел зубами от злости и боли. Чтоб этот придурок навернулся с облака и сломал себе все крылья!..

— Ронтер, я ж не отстану!

Мик обернулся и сразу получил снежком в лицо. Он точно не сможет просто развернуться и уйти. Смахивая подтаявший снег с щек и глаз, он думал, что можно было сделать против Дейва, но так, чтобы не лезть в драку.

Что ж, придется пойти напролом, и будь что будет!

— Завтра Рождество, Дук! — крикнул он, отряхивая руки. — На землю уже спустились ангелы. И твой в том числе!

— Что ты несешь, идиот?

— У каждого человека есть хранитель! — теперь Мик выпрямился и смотрел Дейву прямо в глаза, не моргая. — Даже у тебя. Верно я говорю, Кэл?

Он выкрикнул вопрос в тишину, и Дук нервно оглянулся. Мик мог только представлять, о чем сейчас думал его хранитель. Но он явно озадачился, может, даже чуть испугался, и его состояние передалось человеку. Это хотя бы сбило его с толку, хотя бы на первое время.

— И только моего ангела здесь нет! — Мик развел руками и широко улыбнулся. — А значит, никто меня не остановит.

Он неторопливо направился к Дейву, продолжая держать руки разведенными в стороны, как будто собирался обнять его. Платок, который дала ему Эрин, развязался, и его треугольные концы хлопали у него за спиной как маленькие крылья.

Дейв напряженно следил за ним, больше не ругаясь и не швыряясь снежками. Мик воображал, как Кэл сейчас кружил вокруг них, пытаясь докричаться до Мика, пытаясь понять, кто перед ним: человек или ангел во плоти, и его волнение, беспокойство

ощущал и сам Дук. Ощущал и не понимал, почему ему так не по себе от слов одноклассника.

— Ангелы следят за своими подопечными, всегда, — Мик почти дошел до Дейва, и тот невольно отступил от него на шаг назад. — Подумай над этим. Сколько забот ты создаешь для хранителя. Того и гляди, у него скоро нимб потухнет, и крылья почернеют.

Дейв рывком набрал полную грудь воздуха и обиженно рявкнул:

— Ты просто псих, Рентер! Совсем того! — он сделал характерный жест у виска, а затем махнул рукой. — Даже связываться с тобой неохота — еще покусаешь! Вали к черту, ты…

Он даже вздрогнул, когда Мик вскинул руку, предостерегающе подняв указательный палец.

— А-а. Призыв к темным силам — как тебе не стыдно? — И Мик резко повысил голос и спросил: — Кэл, ты почему совсем не следишь за ним?

Дейв тихо ругнулся, с опаской следя за одноклассником.

— Почему ты думаешь, что его зовут Кэл? — он неуверенно обернулся через плечо, но вряд ли кого-то увидел там. — Почему ты вообще говоришь об этом? Это даже для тебя странно.

— Тебе кажется это странным, потому что это правда. — Мик снова улыбнулся. — Кэл, если ты меня слышишь, то пусть твой человек шагнет вправо, и я от вас отстану.

Дейв замер настороженно косясь по сторонам, но ничего не произошло, и он слегка расслабился.

— Ты окончательно…

Он не договорил, потому что вдруг резко переступил вправо, словно его толкнули в бок. Челюсть Дука отвисла, он закрутился на месте, пытаясь понять, кто его тронул, и Мик скрыл ухмылку.

Хоть один единственный раз ему удалось поставить эту парочку на место.

— С Рождеством, придурки, — прошипел он и быстрым шагом пошел прочь, пока Дейв не пришел в себя и не решил отомстить ему по своему любимому методу.

Через час Мику все же удалось отыскать церковь, о которой говорила Эрин. Он жил в этом городе месте с Джеком уже полгода, но гораздо лучше знал его с воздуха. Петлять по улицам, оглядываясь на номера и читая вывески — неблагодарное дело для крылатого хранителя.

На самом деле, если бы Мик не нашел к тому времени нужное здание, он бы зашел в первый попавшийся дом, потому что снова ужасно замерз. Шаль Гэмфрил больше не согревала, разве что только воспоминания о самой девочке. Вдобавок у него разболелся живот, и там все урчало, и Мик догадывался, что это из-за того, что его новое тело проголодалось. Как он вообще дотянет до вечера?..

К счастью, это была протестантская церковь — в католических Мика смущало обилие икон, статуй и, самое главное, крестов. Здесь он чувствовал себя намного лучше. Он пробрался внутрь и спрятался в углу, под лестницей на второй этаж. Не хотелось сразу привлекать к себе внимание и пытаться составить более менее правдоподобный рассказ о том, кто он такой и что ему здесь надо. Сейчас он и при всем желании не смог бы рассказать хоть что-нибудь. Его зубы сами собой выбивали чечетку, и Мик до боли напрягал челюсть, чтобы хотя бы отчасти скрыть это.

Он свернулся в углу прямо на полу, радуясь тому, что пол был деревянный и не очень холодный. Сейчас он немного согреется, а потом уже сочинит какую-нибудь басню и покажется людям.

Но едва Мик уложил свое слабое, человеческое тело, как тут же провалился в глубокий сон.

— Я никогда не хотел себе такого ангела, как ты!

Лицо Джека перекосило от обиды и злости, он дышал часто и шумно как паровоз, а его кулаки слегка дрожали. Мик съежился перед ним, стараясь исчезнуть, снова стать невидимым. Но чем больше он горбился и втягивал голову в плечи, тем казался заметнее, больше, уже почти нависая над своим человеком и остальными людьми, которые собрались вокруг них.

— Как ты можешь заботиться обо мне, если сам постоянно попадаешь в неприятности? — с болью продолжал кричать Джек, и каждое его слово громом ударяло по ушам Мика.

Он пытался что-то пробормотать в свое оправдание, но зубы продолжали стучать от холода, и он не мог вымолвить ни слова. В груди все леденело от боли, что его человек так его ненавидит.

— Уж лучше я буду жить вовсе без хранителя, чем с тобой!

Джек вдруг быстро подошел к нему, резко схватил за плечо и принялся с силой трясти. Мик задергался, стараясь отодвинуться от него, но Ронтер наклонился к нему ниже и рявкнул в самое ухо:

— Джек! Просыпайся!

Второй раз за этот день ангел очнулся от непривычного забытья и в первые секунды не смог понять, где он и что с ним. Он искал взглядом Джека, не понимая, куда он так быстро ушел, не помня, когда успел встретиться с ним вообще. Там, где у людей билось сердце, все ныло и сжималось, как будто его ударили туда кулаком.

Но тут он разглядел над собой знакомое лицо, и удивительно быстро пришел в себя.

Над ним высилась тетушка Мэри.

Мэри Фабстон приходилось старшей сестрой матери Джека, но никогда не относилась к нему как к своей семье. А уж после смерти родителей, когда тетка стала его опекуном, она вовсе возненавидела подростка. И чтобы подчеркнуть свою независимость от него, она даже требовала называть себя не тетушкой, а…

— Мисс Мэри! — Мик вовремя вставил нужное имя вместо «Лилиан», как величали хранительницу этой дамы. — Что вы здесь делаете?

Он задал вопрос с тем невинным выражением на лице, словно это он обнаружил тетку под лестницей в какой-то церкви.

Мэри медленно уперла руки в бока, и Мик понял свою ошибку.

— А что насчет вас, молодой человек? — Мэри поджала морщинистые губы и свела тонкие брови к своим раскосым глазкам. — Ты же остался дома, тогда что ты тут забыл, да и еще в таком виде? Посмотри на меня? Ты пьян?

Мик начал подниматься, но ноги затекли от неудобного положения и подгибались, разъезжались в стороны, так что вряд ли Мэри требовался ответ на последний вопрос. Она брезгливо подобрала подол длинной юбки, наблюдая за ним.

— Я просто решил прийти сюда… — начал Мик, не смотря в лицо тетки, как она схватила его за плечо своей когтистой лапой и дернула, заставив поднять голову. — Я не знал, что вы тоже здесь…

— Я оставила тебя дома пару часов назад, что с тобой случилось за это время? — Пересилив брезгливость, она наклонила к нему голову и быстро, резко вдохнула воздух. — Алкоголем от тебя не тянет, тогда что, черт побери, с тобой опять не так?!

Мик попытался вспомнить, что он хотел придумать в свое оправдание, но в голове было кристально чисто и ясно. Не нужно окончательно запутывать Джека во лжи, с него же потом все спро-

сят. И, может, даже сегодня вечером. Это будет катастрофа, которая разрушит все равновесие людей и хранителей!..

— Ронтер, что молчишь? — рявкнула Мэри, потеряв терпение.

Мик дернулся, освобождаясь от ее хищной хватки, и залепетал несчастным голосом:

— Мисс Мэри, я решил тоже сходить в церковь перед Рождеством, я не знал, что вы тоже сюда направляетесь! Вы же никогда не говорите, куда уходите. А по дороге мальчишки отобрали у меня пальто, я ужасно замерз, а еще я очень голоден!..

— Замолкни! — Мэри зажала ладонями уши, и Мик порадовался, что его тактика возымела нужный эффект. Вряд ли она разобрала и половину из его речи. — А если ты хочешь есть, то нужно было сначала пообедать перед тем, как бежать сюда в одной рубахе!

Мик виновато опустил голову, выслушивая ее упреки, а сам в это время пытался понять, здесь ли была Лилиан и поняла ли она, что случилось с Миком? Она вряд ли бы смогла передать свое волнение Мэри, как это случилось с Дейвом и Кэлом, но зато могла умело поговорить с ним через своего человека, чтобы узнать, что случилось. И лучше бы ей ни о чем не знать.

— Отправляйся на кухню, может, тебе там что-нибудь перепадет, — наконец распорядилась тетка и дернула платок, срывая его с его плеч. — И что это за уродская шаль на тебе?

Мик все же вернул платок себе обратно, попрощался с теткой и поспешил убраться долой с ее глаз. Он не знал, где была кухня, не знал, как можно будет завалиться туда и попросить еду, но понимал, что если не поест хоть что-нибудь в самое ближайшее время, то умрет с голоду. И тогда Джек точно останется без хранителя.

В церкви все было украшено к Рождеству: горели свечи, в вазах стояли букеты из тонких еловых веточек, слегка качались раз-

ноцветные бумажные гирлянды и флажки. В плетеных корзинках лежали коробочки и свертки, обтянутые красочной бумагой.

Вокруг сновало много людей, в основном только взрослые, занятые подготовкой к празднику. Но Мик шел через них, словно опять был ангелом, и никто не обращал на него внимания.

В большом зале он увидел украшенную елку и подошел посмотреть поближе. Ель словно светилась изнутри, на ее ветках трепыхали крошечные огоньки в стеклянных лампочках электрической гирлянды, их свет отражали игрушки из стекла и фольги. От елки шел густой аромат, и Мик, раньше не встречавший подобного, подошел поближе.

Он увидел свое отражение в крупном темно-синем шаре. Бледное лицо с черными кругами вокруг глаз. Нелепый фиолетовый платок, намотанный на плечи. Волосы, иголками торчащие в стороны. Неудивительно, что его вид всех приводит в замешательство.

Мик задержался взглядом на фигурке ангела на елке, прежде чем уйти.

Он вернет себе нимб и крылья, даже если ради этого придется показаться своему человеку на глаза.

«Все, что сделано в этом мире, сделано с надеждой»

Мик искоса следил за входящими в главный зал, боясь пропустить своего человека.

Одна добрая женщина на кухне угостила его яблоками и имбирным печеньем, и теперь Мик чувствовал себя намного лучше. Во рту до сих пор стоял пряный привкус сладостей, а пальцы были липкие от сока. Чуть позднее Мик нашел накидку, вероятно, подготовленную для разыгрывания одной из рождественских сценок, и забрал ее. В нее он сейчас и кутался, стараясь скрыть свое лицо, но при этом не пропустить ни одного человека.

Он сидел на самом последнем ряду, с краю, и некоторые люди приветствовали его, принимая за сгорбленного старика. Мик никому не отвечал, но его живое сердце трогало это неожиданное внимание к себе. Когда ты постоянно невидим и неслышим, такие вещи нельзя не оценить.

Мик затаил дыхание и ниже надвинул на глаза капюшон. На пороге показался долговязый, щуплый парень, вечно выглядевший больным из-за бледной кожи, темных кругов под глазами и недовольного лица. На нем была праздничная рубашка с криво повязанным галстуком, мятые брюки и тесный пиджак. Он зашел в зал, его голубые, точно стеклянные, глаза оглядели обстановку, и он резко выдохнул сквозь стиснутые зубы.

Джек Ронтер знал, что он был здесь лишним.

Мик цепко следил за каждым его движением, точно мать, которая давно не видела своего сына и теперь наблюдала за ним, отмечая каждую деталь, каждое изменение. Джек не мог стать кем-то другим за эти сутки, что Мик не был с ним, но сейчас он не мог

отвести от него взгляд, изо всех сил надеясь, что его человек не допустит ошибку, что он окажется рядом с ним, но больше всего — что он не увидит лица Мика. Если он встретит своего двойника, то вряд ли хоть что-то сможет спасти непутевого ангела.

Из-за спины Джека неслышно выскользнула Эрин и встала рядом. На ней тоже было праздничное платье: скромное, но с милой кружевной вышивкой по краю подола и вязаным воротничком. Густые волосы она убрала назад и повязала длинной лентой. Она коснулась руки Джека и что-то сказала ему на ухо, слегка приподнявшись на носочках. Джек отстраненно кивнул и последовал следом за ней к рядам деревянных лавок.

Мик ниже опустил голову, стараясь снова стать невидимкой, исчезнуть, чтобы никто не обратил на него внимания. Парочка устроилась в противоположном ряду, неловко отсев друг от друга на расстоянии трех футов. Мик по привычке поискал взглядом Фисифу, но быстро напомнил себе, что не сможет увидеть или услышать ее. Но даже мысль, что его подруга здесь, согрела душу и придала ему храбрости. Раз она смогла два раза поговорить с ним устами своего человека, значит, и он сумеет заговорить с Джеком.

Приподняв свой балахон, Мик одним быстрым движением перенес свое тело на соседнюю лавку, сразу за спинами Эрин и Джека. Замер, но подростки не заметили его присутствия, и тогда Мик осторожно, медленно протянул руку и кончиками пальцев дотронулся до плеча Джека.

Его даже прошибла дрожь от этого прикосновения. Впервые он в самом деле чувствовал своего человека, и это было настолько непривычно, настолько неправильно, что Мик уже не знал, чему можно верить, а чему нет. Ронтер кинул на него взгляд поверх плеча, и Мик ниже опустил голову, боясь встретиться с ним взгля-

дом. Он боялся заговорить, хотя должен был, и теперь молча сидел позади своего человека.

— Чего вам? — буркнул Джек.

Эрин мельком оглянулась назад, но не стала задерживать на Мике свой взгляд. Только вдруг зашевелилась, приподнялась и шепнула своему спутнику:

— Я сейчас приду…

Она неслышно ушла, и Мик не понял, было это ее личное желание или ее увела Фисифа. Как бы то ни было, у него появился шанс поговорить с Джеком без свидетелей.

— С Рождеством, — пробормотал он, стараясь говорить ниже, хрипло — как угодно, только чтобы Джек не расслышал знакомый тон. — Сегодня великий праздник.

— Угу, — промычал Ронтер, снова отвернувшись от него.

Мик знал его как никто другой и видел, что его человек не хотел сейчас ни с кем говорить, никого слушать, да и быть здесь ему тоже не хотелось. Поэтому у него было так мало времени.

— Я надеюсь, ты чувствуешь это. Любовь.

Не оборачиваясь к нему, Джек раздраженно передернул плечами, и Мик испугался, что он вот-вот уйдет от него.

— Ага, как же… Если вы про девушку, то это просто одноклассница.

— Нет. Я про тебя.

Джек снова покосился на него, но в этот раз посмотрел дольше, изучающее. Мик почти пополам согнулся, боясь, что он разглядит знакомые линии лица, взгляд или даже поза покажется ему подозрительной.

— Ты думаешь, что не достоин любви, — продолжил Мик, пока Джек не ушел, — но правда в том, что ее достоин каждый. И ты тоже. И если сейчас тебе кажется, что тебя не любят все окру-

жающие — хотя это не так, — то ты всегда можешь полюбить себя сам. Ты просто никогда не думал об этом.

Ронтер хмыкнул и приподнялся, высматривая Эрин.

— А с чего вы взяли? — проворчал он и снова опустился на свое место. — Может, у меня самооценка раздута до небес.

— По тебе этого не скажешь.

Мик старался говорить мягко, чтобы не обидеть его, но понимал, что должен говорить искренне, чтобы Ронтер прислушался к нему. Он должен дать ему понять, что Джек достоин любви — чтобы он хотя бы просто подумал над этим, Мик надеялся, что ему не потребуется большего. Ему бы только сделать все как надо и вернуть себе крылья, большего он не просил!

— Просто прислушайся к моим словам, Джек, это очень важно…

Мик неожиданно осекся. Не потому что назвал своего воспитанника по имени. До него только сейчас, наконец-то дошел смысл, который ему пыталась втолковать Фисифа.

Все дело в его связи.

С того самого момента, как он зашел в этот чертов лес Мик думал лишь о своих крыльях, которым хотел вернуть белоснежный цвет. Затем к этому прибавились мысли о том, как вернуть себе нимб и тунику. Но за все это время, за весь этот бесконечный день он едва ли подумал о том, чтобы вернуть себе человека.

Даже сейчас, совершая невозможное — напрямую разговаривая со своим воспитанником — Мик желал лишь одного: чтобы Джек в кои-то веки прислушался к нему и поступил так, как ему говорят. Сделал хоть что-то правильное, чтобы Мик вернулся к привычному облику.

Но он не подумал о том, чего бы хотел сам Джек. Не подумал о том, как он хотел бы вернуться к нему — своему человеку, которого должен был любить больше всего в этом мире.

Мик как обычно ничего не понял. Может, Небо справедливо наказало его?

— Хотя знаешь, — медленно начал он, тщательно подбирая слова, — забудь все, что я сказал. Ты сам лучше знаешь и себя, и то, что должен делать. Когда все говорят «нет» ты все равно делаешь так, как считаешь нужным, не подстраиваешься под этот дурацкий город с его дурацкими устоями. Главное, чтобы это действительно было верным решением…

Он замолчал, когда понял, что Джек уже с минуту изучает его, не сводя глаз. Посетителей в зале прибавлялось, рядом с Джеком садились люди, но Ронтер уже не обращал на них внимания. В этот момент Мик понял, что его человек действительно слушает его. Возможно, впервые в жизни.

— Я просто хотел сказать, чтобы ты не забывал о том, кто ты, — тихо закончил он. — И держался за это до самого конца.

Он замер и затаил дыхание, когда Джек взялся на спинку своей скамьи. Поколебавшись, он медленно протянул руку и слегка коснулся плеча Мика. По всему телу хранителя пробежала мелкая дрожь. Его человек его слышал, его человек его видел, его человек его чувствовал!

— Не знаю, кто ты, — едва слышно произнес Джек, — но спасибо за добрые слова. С тех пор, как мои родители… никто не говорил мне ничего подобного. С Рождеством.

Мик едва восстановил дыхание, когда Джек отвернулся от него, а в следующую секунду к нему вернулась Эрин. Ангел продолжал ощущать прикосновение к своему плечу, и уже более не скрываясь под капюшоном, смотрел на спину Ронтера и чувствовал небыва-

лый прилив любви к нему. У них действительно больше никого не осталось: родители погибли, близких друзей не было. И если Мик привык к тому, что за ним всегда стоял Джек, которого стоило прикрывать, то Ронтер об этом не догадывался и чувствовал себя очень одиноко. Мик об этом знал, но не думал, как ему может быть тяжело. Он надеялся, что теперь, даже раз Джек продолжал не знать о нем, он чувствовал себя цельнее, сильнее и защищеннее.

— У тебя получилось.

Мик медленно отвел взгляд от Ронтера и посмотрел в сторону. Рядом с ним сидела копия Эрин Гэмфрил. Только с крыльями и золотым кольцом над головой.

— Поверить не могу, что у тебя получилось, — прошептала Фисифа и улыбнулась. — И ты едва успел, до полуночи осталось не так много.

Мик осторожно потянулся к плечу и почти с удивлением нащупал мягкие перья за спиной. Поднял руку и пальцами коснулся теплого нимба. Получилось… Получилось! Он снова стал ангелом!

— Самому не верится, — признался он, с любовью трогая свои крылья и любуясь на их чистый, белоснежный цвет. — Думал, так и останусь в этом неудобном обличие. Ох, Фис, если бы не ты, я не знаю…

Подруга слегка толкнула его локтем, продолжая улыбаться.

— Я вообще ни при чем. Это все Рождество, церковь и твой человек. Ты сам понял, что нужно делать. Вы оба намного умнее и сильнее, чем думаете.

Мик не успел ответить ей, потому что к ним обернулся Джек.

Хранители замерли, пока подросток обводил взглядом пустую скамью. Мик заметил, как Ронтер привычно поджал губы, и его

глаза слегка потухли, как случалось каждый раз, когда он сталкивался с неудачей. Но он также знал, что успел сказать ему главное. И Джек этого не забудет.

Несмотря ни на что, ангел Мик не жалел о том, что прогулялся в проклятом Лесу. Он ощутил и узнал то, что навсегда осталось бы скрыто для него как для бесплотного духа. Он был благодарен каждому человеку, который повстречался за этот день — даже Дейву Дуку. И сейчас, сидя за спиной своего человека, как обычно, присматривая за ним и ясно слыша его мысли, он понимал, что повторил эту прогулку, если бы возникла такая необходимость.

И дело здесь вовсе не в цвете крыльев.